

18+ Александра Образцова

Символы силы

пишу_и_публикую

Оксана Образцова
Символы силы.
Пишу_и_публикую

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602414
ISBN 9785005099754*

Аннотация

«Личные истории, как голубиные яйца. Лопаются и выпускают на волю птенцов. Птенцы набираются гонору и разлетаются по свету переносить послания. Вспомнить, посмеяться, пустить слезу. Понять, что у каждого было горе. Каждый стремился узнать счастье. Каждый сеял семена и собрал, что успел. Понять, что все эти мелочи были не просто так, не зря, а для картины, на которой из беспорядочных, безалаберных мазков вырисовывается мощная, неповторимая, значимая личная история».

Содержание

Предисловие	5
Летние истории	7
История первая – Деревенская	7
История вторая – Кулинарная	10
Живые раки и полуночный компот	10
История третья – Мечтательная	13
История четвертая – Морская	15
История пятая – Праздничная	17
История шестая – Цветочная	20
История седьмая – Дождливая	25
История восьмая – Городская	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Символы силы

Пишу_и_публикую

Оксана Образцова

© Оксана Образцова, 2019

ISBN 978-5-0050-9975-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мое вдохновение разбрызгано, разбросано, распрытано. Оно закатилось за буфеты, шкафчики, в тайные полочки личных историй. Оно неразгаданными намеками поблескивает из тени сбывшегося, но не рассказанного и мне ничего не остается, как выбрать и обозначить свою миссию.

Пытаюсь удержать в руках ускользающий шар. Он замешан на основе каких-то загадочных компонентов. Он прожит и вынянчан, оплакан, выстрадан, отпразднован и уже готов к раскатке.

Наощупь выискиваю волну, пытаюсь изловчиться, освободиться, осмелиться, чтобы придать своей находке форму, развернуть её и показать во всей красе не описанной в известных доселе учебниках мудрости.

Мы можем поговорить или помолчать. Можем быть знакомы, или просто пройти мимо едва зацепившись взглядами. Для меня нет препятствий. Я разгадываю личные истории и придаю им форму.

Мне иногда удается отыскать нужные слова. Чтобы передать чувства, удивить глубиной, заставить прослезиться. Поблизиться с печалью, пройти под ручку с радостью.

Недопустимо порой раскрывать имен и координат. В этом сложность.

Я имею право рассказать все подробности, и я обязана

все скрыть. Это непростая задача. Но тем она мне и дорога. В этом мой смысл. Моя тайна.

Вытаскиваю детали, выискиваю смыслы и подбираю слова. Они везде. Они дают мне силу. Они дают мощь самой главной личной истории – моей собственной.

«Большую часть Летних историй я написала в рамках писательских флешмобов в проекте «Пишу и публикую». Благодарю моих виртуальных подруг – Татьяну Ганчо и Елену Биляк – за поддержку и вдохновение.

Читайте и пишите вместе со мной.

Оксана.»

2018

Летние истории

История первая – Деревенская

Наш хутор был самым дальним. Мы тряслись в москвиче по рыжей проселочной ленточке. Я любила рассматривать редко разбросанные дома. Хозяйские постройки проезжали медленно, а потому разглядеть можно было все в подробностях. Куриц. Искусно сложенные дрова в поленницах. Корзины с яблоками. Пушистые кусты георгинов. Лица хуторян в окошках или в дверях.

Неизменными спутниками пылящей по деревенской дороге машины становились местные Бимки и Тузики. Загавкают по-хозяйски, побегут вровень с машиной, потом сзади, не сдаваясь и путаясь в облаке пыли. А я пялюсь в заднее окно машины, выглядываю Тузика, беспокоюсь, чтоб с большого рвения под колеса не угодил. И вот вижу, очередной Бимка сдался. Постоял еще, погавкал и пошел домой, за честно заработанной косточкой.

А вот заметная рябина. Дорога чуть сворачивает влево, и я уже различаю в подоле леса низенький бабушкин дом. Рыжеющая соломенная крыша. Синие маленькие окошки.

– Вот он, наш дом, – говорит мама. А папа вспоминает, как меня из роддома сюда привезли. И как мои первые пеленки

болтались здесь на ветру в июльско-августовском солнечном воздухе.

Мы съезжаем с дороги и торжественно тянемся по заросшей травой дороженьке. Машина зажевывает травяную поросль и стебли громко барабанят по железному днищу транспортного средства.

Москвич упирается в бревенчатую стену. И я выхожу в траву. Этот воздух. Он укутывает меня. В нем моя жизнь. В нем мои силы.

Дикие гвоздики. Полынь. Сухой рыжий мох между древними бревнами. Земляника. Дикая мята. Картофельная ботва. У меня яркая обонятельная память. Очень чувствительный нос. По-видимому, это идет отсюда. С этого пятна природы между латгальскими болотами, где мои предки живут с 19 века. Жили.

А в начале 21 века я в последний раз увижу эти стены еле держащими свою древнюю ускользящую мощь. Мы с Крёстным пойдем по заросшим тропинкам, которые еще помнят наши ноги. И будем видеть то, чего уже почти нет. Вон там был колодец. Вон там – баня. А вот тропинка между картофельными огородами. Вот тут всегда ячмень рос. А там сарай, который сгорел. Крёстный вспомнит, как тогда спасали дом от пожара. И как позже отстраивали новый сарай.

Мы тихо подойдем к дому. Будет трудно говорить. Мы прислушаемся к завывающему в оконных проемах летнему

ветру.

– Вот моя деревня, вот мой дом родной, – скажет твердым баском Крёстный и опершись руками о края дверного косяка, аккуратно заглянет внутрь. А там крапива с мой рост. Вместо крыши – безоблачное небо. Остатки печки и комнатных перегородок.

Я замечу на уцелевшей стене овал. Там всегда висел образок Девы Марии. Скоро стены устанут держать форму. Но даже став невидимыми они будут хранить для нас все то, что дорого. Белую горячую печку. Бабушкины бочонки с огурцами и грибами. Вязаные коврики. Снежных оленей на стене. Спелые яблоки. Огромную полынь под окном. Дикие гвоздики, увивающие фундамент и тропинку к пышной рябине на повороте по дороге в большой мир.

История вторая – Кулинарная

Живые раки и полуночный компот

Лето никогда не проходило без раков. Они медленно во-рочались и кишели в траве, когда Мишка с дедом приносили их, высыпали перед крыльцом и начинали считать. Мишка утверждал, что если рак сомкнет клешню на моем пальце, то палец – хана. Он учил меня аккуратно брать рака за спинку и перекладывать в ведро. Потом мы с бабушкой шли за укропом. Раки, шевелясь, отправлялись в кастрюлю и кишели там, замедляя темп, пока не становились красными. Бабушка накрывала их сверху букетами укропа и железной крышкой.

Позже раки праздничными кругами выстраивались на огромной тарелке, увивались укропом и становились украшением застолья. Какое это удовольствие – щелкать раков, собравшись всей семьей у стола.

У меня даже мысли не было, что вышеописанная семейная традиция может стать трагедией.

Нет, дело не в сильных клешнях или в нарушении техники безопасности при готовке. Тут другая более тонкая история.

В детстве меня на раков не брали, а потому ловить я их не умела. Научилась только, когда познакомилась с му-

жем. Он природный добытчик. Обучил меня мастерству очень быстро. Было весело. Мы их вместе ловили и вместе готовили по бабушкиному рецепту. А после так же дружно и смачно щелкали вечером за ужином у нарядного блюда с завитками укропных веточек.

Когда родилась дочка, а перестала ходить на раков. Но это не значит, что раки перестали ходить к нам в дом. Однажды утром, я показала дочке целый тазик живых раков, которые медленно ворочались в воде. Я научила её держать их за спинку, чтобы они не смогли сомкнуть свою клешню на пальчике. Иначе, как говорил Мишка, пальцу – хана.

Позже раки отправились в кастрюлю и по традиции укрылись пушистым венником укропа. От разложенных на праздничном блюде красных раков дочь пришла в шок.

– Мама, зачем вы их убили, они же были живые...

Я ощутила этот момент, когда благополучный мир ребенка рушится за одну секунду. И родительский авторитет начинает неистово шататься, изгибаться и трещать, отчаянно стараясь найти доводы справедливости, за которые можно было бы хоть как-то удержаться.

– Раки – это наша добыча. Так же как кабачки, рыба, грибы, орехи, черная смородина и куриные яйца. Мы можем, конечно, их не добывать и не есть, но тогда будем добывать что-то другое. Вот смотри, эти два ведра черной смородины – это тоже наша добыча, – старалась я успокоить дочку.

Дочь не ела раков в тот день. Общее удовольствие от се-

мейных посиделок за щелканьем красных панцирей тоже как-то не принесло удовольствия. Папа с дедом ели раков, втихаря закрывшись на кухне.

Мой аргумент про добычу кое-как смягчил дочкино негодование по поводу гибели живых раков. И она спокойно пошла спать.

А я до утра закатывала черную смородину по банкам. Я не могла спать. Я должна была осмыслить этот день, этот момент боли и дисбаланса, когда маленький человек впервые соприкасается с правдой жизни.

Мой муж обожает компоты из черной смородины. В этот раз вышло 35 баночек. Наутро мы с дочкой вместе считали, сколько банок добычи нам досталось.

История третья – Мечтательная

А я всегда мечтаю смело. С подробностями и приятными деталями. И, благодаря моей наивности или везучести, мечты сбываются. В самый подходящий момент и в гладком течении обстоятельств. Остаётся только наслаждаться точностью нарисованного пейзажа, который медленно и вкусно воплощается в жизнь.

Время идет, бьет и проверяет на прочность. А я наивная. И нервы у меня крепкие как вантовые струны. И отказаться от мечты не бывает даже мысли. Потому что мечтать – не вредно. Вредно – не мечтать.

Я научилась делать из мечты цели, строить планы и методично их исполнять.

Говорят, что мечта, разобранный на молекулы – это уже не мечта, пропадает привкус романтики. А по мне, главное, что сбывается. Только теперь уже не случайно, а точно и в срок.

Ангелы на небесах с легкостью конструируют исполнение персональных мечт. Личные достижения и круг собственного влияния с помощью правильных мечтаний обустриваются очень быстро и красиво.

Самые ненадежные мечты – о людях. Ангелы иронизируют и подмешивают в наши чаяния о ближних свои волшебные горчинки.

Я всегда желаю своим друзьям хороших людей рядом. Я понимаю, каждый человек одинаково плох или хорошо, в зависимости от того, какой стороной он ко мне повернется. Так вот, я желаю себе и каждому, чтобы ближние проявляли по отношению к нам свои лучшие качества. Это отличное пожелание и хорошая мечта. Если бы только ангелы не дерзили и не экспериментировали, смешивая людей, сталкивая их друг с другом разными сторонами.

Однажды июльским утром произойдет значимая, очаровательная встреча. Я ведь иногда мечтаю об идеальных людях рядом. И поначалу все так и будет. Точное совпадение во всем. Ощущение, что знакомы уже лет сто минимум. Первое впечатление именно такое. Наивное, романтическое, мечтательное.

А потом ангелы начнут веселиться. И дальше все будет зависеть от умения нас обоих сохранить равновесие и удерживать интригу. Не испугаюсь проверок на истинность, неловкостей, нестыковок. Найти общую комфортную частоту для совместного времени.

Мечты о хороших людях рядом тоже должны сбываться, просто для этого иногда нужно больше потрудиться.

История четвертая – Морская

Есть место на Земле, где спрятана моя молодость. Я очень редко там бываю. Боюсь, что приеду и не найду её. Разочаруюсь. Разучусь быть благодарной и легкой. Устану мечтать и верить.

Это место на Балтийском море, где для меня всегда лето. Там на краю тоненького мола можно рукой почти касаться гигантских паромов. Там на маленьком прибрежном кораблике подают вишневый сок. Я гуляю по длинному променаду вдоль моря, а надо мной носятся разноцветные воздушные змеи. Я брожу по соленой воде и слушаю чаек, рассекающих кисловатый воздух.

Иногда я беру велосипед и уезжаю далеко-далеко, до самого Кюлунгсборна. Я еду по кромке берега, где песок встречается с лесом. Там есть тропинка. Моя тропинка. Я одна. Могу петь во весь голос про нескончаемое синее море. Могу смеяться или всплакнуть. Могу перекрикиваться с чайками или тихо слушать заклинания деревянных идолов на обрыве.

В Кюлунгсборне я оставляю велосипед и иду в пляжное кафе. Заказываю апфелькухен и кофе. А потом – на выставку Шагала в маленькую галерею. Плаваю между пастельных красок и цветных образов. Мне хорошо.

Вечером я возвращаюсь в порт и поднимаюсь на старенький маяк, чтобы с высоты рассматривать город.

Рельефные очертания бухты реки Варнов. Аккуратно расселившиеся по зубчатому берегу лодки и кораблики.

Говорят, в древности эти земли были славянскими. Рюрик и Рюриковичи вышли из этих мест. Потому в окрестностях так много по-славянски звучных городов – Гюстров, Крепелин, Рерик, Росток... Кто знает, правда это или догадка историков... Деревянные идолы действительно стоят то тут, то там на побережье и хранят все секреты.

А воздух здесь стал родным сразу, с первого вдоха. Я помню его вкус.

Мои друзья ждут меня на пляже Варнемюнде. По-прежнему играют живую музыку, на мосту через Варнов, в дни портовых ярмарок. Так же как и я вспоминают нашу молодую жизнь и мечтают увидеться. Мне очень тепло от мысли, что вся эта красота случилась и продолжает жить, связывая людей невидимыми, крепкими нитями.

Однажды я приеду. Открою дверь почти родного дома на Гартенштрассе. Обниму друзей и их уже взрослых детей. Испеку торт Белоснежка с сочной вишней и миндальной крошкой. Буду танцевать и дышать полной грудью. Буду бежать по прохладному утреннему песку к теплым волнам. Как тогда, два десятка лет назад...

История пятая – Праздничная

День Рождения. Юбилей. Большая дата. Лето. Август. Семья. Жизнь.

Нет на свете более красивого и более важного праздника, чем большой юбилей, выигранный у жизни. За него уплачено страданиями и смелостью. Риском не очнуться в операционной. Надеждой на тоненькую хрупкую соломинку-шанс.

Этому дню предшествовали попытки сдаться и капитулировать перед страшным приговором РАК. Два года игр в лотерею в больничных коридорах, кабинетах, среди лиц и рук симпатичных мужественных докторов. Жизнь в беспощадно урезанном теле, которое еще способно на простую радость.

Какое это счастье разрезать утром свежий хлеб. И белый кусок масла ложится на черную ароматную шершавость так гармонично. И сердце поет от запаха кофе, от переливов клубничного желе в блюдечке. Каждый маленький момент – большой приз, бесконечно драгоценное наслаждение.

Фотографии правнучек в маленькой библии. Вязаные салфетки. Лоскутные подушечки. Свежие астры в вазе на плюшевой скатерти. Не уставшие еще тикать часы на стене. Желтые фотографии в рамках. Два телефона. Один, распластаным кнопочным пузом, устроился на цветастой скатерти. Второй всегда в кармане.

Утром позвонит старший. Днем младший. Вечером средний. И важно ответить, подбодрить сыновей. Подарить им еще один спокойный день. А между делом – накормить собаку и куриц, обойти грядки, встретить соседку, сходить в магазин за свежими новостями, газеткой и вкусненьким.

Позже будет вторая операция, новая лотерея. Чужие истории, подсмотренные пытливым взглядом. Имена незнакомцев, перешедших в палату под роковым номером, откуда домой не возвращаются. И эта жизнь в страхе уже не покажется такой ужасной. Потому что это тоже жизнь. Такая жизнь. Такой мир. С укороченной или удлинённой надеждой на завтра, на радость, на покой и запах свежего хлеба.

Два года попыток преодолеть уныние и безысходностью подведут уверенным шагом к мощной дате, о которой звонят метрики и паспорт. 80 лет! Возраст, который дан далеко не каждому человеку. А в нашем случае за эту дату пришлось побороться.

И будет праздник. Много цветов и урожайных угощений. Родные лица четырех поколений. Гости со всего мира. Семья большая и внуки живут теперь в разных странах. Интервью в газету, поздравления на радио. Торжественно бурлящая радость и гордость. Все самые пожилые и немощные подруги вдруг вострепнут и придут, чтобы сплясать кадрили. Погулять на славу.

Какое это счастье разрезать утром свежий хлеб. И белый кусок масла так гармонично ложится на черную шершавость. А клубничное желе нежно подчеркивает аромат свежего чая. Ладони маленькой правнучки пахнут сладким молоком. А старшая правнучка привезет показать свой первый выпавший молочный зуб. И будет с аппетитом уплетать огромный солнечный сырник.

За этот вкус, за этот аромат, за это тепло заплачено слезами и отчаянием. Оттого момент этот вдвойне ярок и важен. И он всегда есть. В мыслях, в фотографиях, в воспоминаниях, в первых письмах маленькой девочки своей прабабушке. Сильной, мудрой, хитрой, смелой и жизнелюбивой женщине, которая живет теперь в глубине чистого высокого светлого неба.

История шестая – Цветочная

В голове только одна мысль: Дети – цветы жизни.

Сию в английском парке на скамейке. Вокруг меня муравейником кишит детская площадка. Место, где дети расцветают буйным цветом своих темпераментов, а взрослые снова становятся детьми.

На спинке скамейки надпись. Имя какого-то местного Мистера Джона. Даты жизни. «Он любил этот парк и детей в нем.»

Серая голубка любопытно наматывает круги у моих ног. После бежит пешком к самому шумному месту на площадке. Дети любят птиц и эта любовь взаимна.

Самый главный цветочек моей жизни раскачивается на качелях. Потом поправляет растрепанные ветром волосы и бежит к горкам. А между нами самыми яркими красками расцветает жизнь. Я улыбаюсь, машу рукой, обозначая свое местоположение в этом человеческом улье. Цвету и благоухаю. Мысленно объединяюсь с мистером Джоном в любви к этому месту и к каждому растрепанному, орущему от счастья, чумазому и неугомонному цветку.

Только что прочитала статью о Хеллен Миррен. Женщине, которая взлетела на пик карьеры в 61 год.

Я все понимаю. Ее красота, талант, попадание в колею.

Безусловно, это достойно признания. Кроме одного. Она никогда не хотела детей.

Красивая, талантливая, породистая. До сих пор пышущая жизненной энергией и женской силой, хотя сегодня ей уже за 70... Счастливая. Наполненная.

И я почти верю в убеждающий эпилог статьи, что женское счастье не только исключительно в детях. Наверное так бывает. Я не сужу, не подозреваю, не разоблачаю. Пусть так и будет.

У меня был длинный сельскохозяйственный период в жизни. Я вела грядки. Много работала с землей. Пермакультура, щадящее земледелие, мульчирование. Митляйдер, Зепп Хольцер.

В общем, я много что выращивала, экспериментировала. Нашла культуры, которые в моих руках растут. И те, с которыми тандема у нас не получается. Но...

Я никогда не выращивала цветы. Мой рациональный ум не находил в этом смысла.

– Я лучше буду трудиться над тем, что можно съесть, – говорила я себе и сажала еще одну грядку земляники. Кабачки, баклажаны или подсолнухи.

Я так считала и была права, счастлива на 100 процентов. Какой смысл в цветах, если их нельзя съесть или закатать в банки. Никакого...

А потом среди зимы муж привез три луковицы гиацинтов.

Они встали на подоконник рядом с обычными головками лука, которые на зелень.

Началось соревнование на раскрытие природного потенциала. Иначе говоря – зимняя выгонка.

Оба вида растений были успешны. Зеленели и лезли из кожи вон, чтобы порадовать меня. Зеленый рационалистический лук и мощный бутон гиацинта.

Утром первого января мы не смогли открыть дверь на улицу. Сугробы доходили до окна. А на подоконнике в светло-голубой тени сугроба уютно и ароматно расцвел гиацинт...

Это была зима, весна и лето в один момент. Я влюбилась. Я летала от счастья.

И я сразу же внесла изменения в свои огородные планы. В моей голове и жизненном пространстве освободилось место для цветов. Сила любви меняет все самые железные рациональные убеждения в одну секунду.

Все виды луковичных цветов прошли через мои руки. Крокусы. Нарциссы, Гладиолусы и лилии... Это дружба и любовь – на всю жизнь. Нам легко вместе. Они щедро растут с моих рук.

Трудно было наладить отношения с капризными георгинами. Но я не оставляю попыток. Благо в Англии теплые зимы и клубни георгинов не так уязвимы, как в зимние минусы в Прибалтике.

Прошлом лето было сезоном выющейся гвоздики и лаван-

довых кустов. Этим летом меня потянуло на оранжевенькое. Потому из каждого удобного горшка торчит головка ноготка, или свисает ползунок настурции.

С цветами, как и с детьми – непросто.

С ними надо возиться, носиться, суетиться, беспокоиться.

Они могут болеть или плохо расти.

Разочаровывать. Пугать своей уязвимостью.

Отравлять взрослым жизнь своим неукротимым характером.

Им нужно создавать условия. Трудиться на их благо.

Отказываться от чего-то, чтобы им раслось хорошо.

В общем, беготни и труда – завались. А будет ли толк – еще неизвестно...

Если так думать, то конечно же проще заняться карьерой, путешествиями или любыми другими бесподгузниковыми, безгоршочными целями. И я уверена, что жизнь будет наполненной и счастливой. Бессонные ночи будут сведены к минимуму – это точно.

И я так тоже когда-то думала, откладывая материнство далеко за 30, а цветоводство и того дальше.

Но теперь я не смогу без цветов.

Я не смогу без детей.

Потому что у меня в сугробе расцвел гиацинт.

Потому что моей грудью выкормлен Человек.

И эта любовь – навсегда!

История седьмая – Дождливая

Я люблю многие места на земле, в которых мне было хорошо.

Начиная с бабушкиного хутора.

После светлая современная квартира, полученная папой к моему рождению.

Болотистый участок, на котором по сей день стоит дом моих родителей.

Даугавпилс, с его каштанами, Борисо-Глебскими куполами и видом на город с девятого этажа Спорта 6.

Позже я полюбила Варнемюнде. Простор балтийского побережья. И себя, свободную до незнакомых глубин.

Потом была Рига – Плявниеки, Болдерай, Агенскалнс. С замиранием сердца переживаю снова и снова яркие минуты состояния рижанки.

Теперь вот новая любовь к месту. Новое завораживающее открытие – Английский Норфолк.

Надо видеть лавандовые поля, чтобы вкус фиолетовых плантаций угнездился в волосах и впитался в кончики пальцев.

Надо прожить день у красно-белой скалы Ханстантона, попасть под дождь и позволить северному ветру выдуть тебе мозги.

А потом сидеть в кафе и слушать стук града с дождем о твою спину, прислоненную к окну.

Надо это прожить. Чтобы полюбить. Может быть, даже не само это место. Оно, безусловно, прекрасно во всей своей суровости, в контрасте.

Полюбить себя в эту минуту. Со всей силой. Бесповоротно. Безрассудно.

И думать, что счастье именно здесь. Нашлось. Что вот, его, наконец, вынесло на берег. Они ударились о круглый камень и окатило блестящими брызгами экзистенциального восторга.

Вечером, по дороге домой я перебрала в памяти те места, которые люблю всей душой и вдруг поняла. Место тут ни при чем. Я люблю себя. В минуту концентрации всех чувств. В момент, когда золотые щупальца молнии расползаются по небу, а маленькая лодка спешит к берегу, спасаясь от нарастающей дождевой стены. И это у меня на ладони происходит.

Когда-нибудь я пойму каждого, кто пускался во все тяжкие...

Наверное, это случится летом.

Будет идти дождь.

Темное небо, не предвещающее просвета.

А потом на доли секунды золотой паутиной сверкнет мол-

ния.

Я провалюсь из рациональности в бездну.

Переверну за несколько минут все представления о правильной жизни.

Запутаюсь.

Эта паутина приятным давлением затянет меня, и я уже не захочу высвободиться.

Я увижу себя по-другому.

Не то чтобы все до этого было ошибочно неправильным.

Мне комфортна ежедневная рутина, наполненная суетой и приятными минутами.

Но теперь все поменяется.

У жизни появляется другой вкус.

Захочется быть честной с собой.

И пусть в этот момент обязательно идет дождь.

Пусть он поможет стать невидимой и сделает этот лимит времени бесконечным.

Мы не ищем любви. Мы умеем любить только самих себя, в том состоянии, которое дает нам дорогой человек или приятное для жизни место.

История восьмая – Городская

Стою на перекрестке. Жду, вот-вот светофор разрешит перейти широкую улицу.

Справа от меня – турчаночка. Молоденькая. С чемоданом на колесиках. Смотрит на ту сторону улицы и покачивает ручкой чемодана.

Справа – представитель самого жаркого континента. Немолодой. Зевает. Прикрывает лицо белой ладонью. На фоне шоколадного лица, светлая ладошка переливается темной паутиной линий.

Чуть впереди, так же как и я ждет зеленого прибалтийская блондинка. Не молоденькая, но очень симпатичная женщина. Я рассматриваю её черты. Гадаю, литовка или латышка?

Позади спокойно и достойно ждет сигнала солидный дяденька в костюме. По цвету лица и характерным чертам, понимаю, его генетика начинается где-нибудь в Индии.

Зеленый. Отрываюсь от соседей по ожиданию. Бегу по узкому тротуару. Лавирую между мусором и людьми.

Запутанное в желтых дредах существо раскуривает самокрутку.

Энергичная бабушка ведет двух внучек одетых в зеленую школьную форму. Девочки громко смеются, спорят по-английски.

Миловидная девушка говорит по телефону. Медленно объясняет что-то по-английски с акцентом. География её может растянуться от Балтики до Карпат и далее. Затрудняюсь угадать.

Трое смуглых парней весело разговаривают по-латышски. Я удивленно смотрю на них. Внешне они скорее похожи на албанцев. На секунду переношусь в Ригу. Рижские цыгане отлично владеют латышским языком.

Захожу в лавку к старику-пакистанцу. Сегодня ему помогает сын. Здравоваюсь. Своих клиентов они встречают как родных. Не мешают, но терпеливо и покорно ждут, что ты выберешь. Останавливаюсь возле яблок, аккуратно разложенных по чашкам. Одна чашка – один фунт. Сейчас конец лета. Яблоки – ароматные. Выбираю те, которые особенно пахнут Латгалией. Видимо и в плодах природы генетика путешествует по миру тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.